

«Все российское должно быть в России»

Александр Добровинский о своих благих намерениях

ЛИЧНАЯ чернильница Сталина, письма Александрова и Орловой, портрет Марлен Дитрих... Наш корреспондент встретился с самым экстравагантным адвокатом России в главном офисе возглавляемой им московской коллегии адвокатов «Александр Добровинский и партнеры», чтобы рассмотреть совсем крохотную часть грандиозной коллекции искусства (мэтр окружает себя любимыми вещами даже на работе) и поговорить о «сокрушительной страсти» — коллекционировании.

— Как началось ваше увлечение коллекционированием? И почему именно русский авангард?

— Русский авангард? Это вы придумали. Я собираю XX век и период с 1920-х по 1960-е годы, с акцентом на 20–30-е. В основном Россия, но западные вещи тоже. Русский авангард — только часть моей коллекции.

— Что именно завораживает в выбранной эпохе?

— Я никогда не задавал себе вопрос, почему мне нравится женщина. Она нравится, и все. Разве можно объяснить, почему любишь кого-то. Для меня искусство XX века, вообще XX век — самое интересное время. Во-первых, пусть частично, но я его современник. Во-вторых, XX век в истории нашей цивилизации «сказал» больше, чем, например, XVIII или даже XIX. Я имею в виду не столько смену режимов, сколько смену образа жизни. Не режимы имеют значение, а то, как люди думают. В XX веке они стали думать острее, их отношение к искусству, любви, власти стало другим.

— Коллекционирование — огромный труд. Что вами двигало и движет?

— Коллекционирование зиждется на трех китах удовольствия. Прежде всего это, безусловно, инстинкт охотника. Наверное, поэтому все самые крупные коллекционеры в мире — мужчины. Я редко встречал женщин — серьезных коллекционеров. А те, кого я видел, безусловно, обладали мужской энергетикой.

Второй кит — инстинкт исследователя. Я читаю лекции по разным областям искусства. С уверенностью могу сказать, что знаю значительно больше, чем искусствоведы. Это не хвастовство, а констатация фактов. Не думаю, что человек, который не знает свой предмет страсти досконально, имеет право называться коллекционером. Он скорее собиратель.

— Вы считаете кого-нибудь своим соперником в вопросе коллекционирования?

— У меня были учителя, но не соперники. Есть коллекционеры, которые собирают более или менее те же вещи, что и я. Они нашли какую-то штуку, я нашел... И вот мы с вами переходим к третьему киту удовольствия. (Улыбается.) Это то, что я называю «инстинкт показушника». Совершенно потрясающая вещь! Невероятное удовольствие, которое ты получаешь от общения с тебе подобными людьми. Меня же никто не заставляет бесплатно читать лекции. Публику никто не заставляет приходить на мои лекции. Никто не заставляет меня проводить часы с друзьями, показывая им мои новые находки. Все дело в удовольствии!

— О каких коллекциях вы готовы рассказать?

— О, их так много. Первая серьезная коллекция — опиумные трубки. Вообще, я всегда собираю то, что никому не интересно. Никогда не шел по проторенному пути. Все собирают марки — ну и что? Пришел в магазин, заплатил деньги и купил всю коллекцию! Когда я попал в Индокитай (в первый раз в 1977 году), меня заинтересовали опиумные трубки. Для местных жителей их делали обычно из бамбука. Совсем неприглядными делали. Что же касается европейских офицеров (англичан и французов), те заказывали у местных ювелиров всякие изыски. Инкрустации серебром, нефрит, драгоценные или полудрагоценные камни! Безумная красота. Я начал покупать самые красивые экземпляры, изучать предмет. Выяснилось, что в каждом районе свой ювелир. В Гонконге делали одни трубки, а в Шанхае совершенно другие. Я собрал большую коллекцию. Надо мной все посмеивались: кому она нужна? И тут вышел фильм «Однажды в Америке», который начинается и заканчивается тем, что главный герой закуривает — китаец подносит ему опиумную трубку. Кстати, есть версия, что все происходящее дальше — это пьяный опиумный угар. В общем, фильм имел грандиозный успех. Мне позвонил друг, который работал в одном из двух крупных аукционных домов Лондона: «Послушай, все захлебываются от восторга, у тебя такая коллекция. Давай попробуем выставить ее на аукцион?». Сказано — сделано. 600 или 800 предметов. На фоне ажиотажа вокруг этого фильма были проданы все до единого. Я получил деньги, о которых не

мог даже мечтать. Но я жил тогда в Париже, а коллекционеру в этом городе жить с деньгами очень сложно. (Улыбается.) Я обратил внимание: дети и внуки белых эмигрантов пассивно относятся к тому, что их деды и отцы вывезли из России. В основном это были полковые знаки, ордена, награды. Я начал собирать их. Получилась огромная коллекция. Потом переехал в Россию и столкнулся с феноменальным искусством наших талантливых людей подделывать все что угодно. Масса умельцев! Дошло до того, что где-то к середине 90-х я просто не мог различать подделки. Совершенно феноменальные вещи, за которыми я гонялся по всему миру, мне приносили по три-четыре в неделю! Такое невозможно по определению. Я понял, что это катастрофа, и с коллекцией пришлось расстаться. Продал ее на аукционе и начал собирать фарфор. Мой фарфор через несколько лет был выставлен в Пушкинском музее в пяти залах.

— Это было предложение Пушкинского музея — отдать коллекцию — или ваша инициатива?

— Это было предложение мудрейшей Ирины Александровны Антоновой. Тогда только наши люди стали воспринимать «советское» искусство начала века. Правда, это не советское, а русское искусство совет-

ского периода. У меня никакого отторжения оно никогда не вызывало, потому что я уехал из страны мальчишкой и не видел в этом ничего, кроме искусства. Иногда я видел там анекдот.

— Например?

— Например, потрясающего скульптора Натальи Данько — «Раскрепощенная Азия». Это узбечка, которая сидит, поджав ноги по-турецки и оголив грудь, и читает газету с портретом Троцкого. Великолепная, очень дорогая вещь!

— Что было после фарфора?

— После фарфора, который наши тоже научились лихо подделывать, была коллекция палехской миниатюры. За нее итальянцы мне дали главный орден — «Стелла президента Итальянской Республики». За открытие в культуре XX века. Что именно произошло? Будучи за границей, я зашел, как всегда, в антикварный магазин. Увидел там коробочку. Я никогда не собирал иконы, но довольно прилично в них разбирался. Есть, как вы знаете, такая сюжетная икона «Благовещение». Здесь тоже было «Благовещение», только вместо привычных нам персонажей — солдат-красноармеец и сестра милосердия. Я купил эту вещь, приехал в Москву, пошел в Музей прикладного искусства, чтобы спросить, что это. Мне почему-то ответили: «Это

вам не надо». Когда мне говорят, что это мне не надо, мне тут же становится надо. В результате выяснилось, что в СССР им не разрешали приобретать некоторые палехские миниатюры для музея.

Палешане — жители села Палех, иконописцы. В хороших коллекциях икон всегда есть вещи их авторства. Когда случилась революция, они остались без работы. В начале 20-х годов кто-то из красных комиссаров попал в их деревню. Увидев, что они делают,

ГРИГОРИЙ СОСНОВ